

Атлас Анна Залмановна

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: СКАЗКА КАК МЕХАНИЗМ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению сказки как механизма хранения и передачи информации морального, практического и т.д. порядка в рамках общей теории памяти культуры. История, которая рассказывается в сказке, выполняющей, помимо эстетической функции и коммуникативную, представляет собой структуру, содержащую слой автономного содержания. Благодаря наличию смыслового инварианта, история, значимая для психики индивида, может быть пересказана множество раз посредством адаптации для взрослой/детской аудитории, независимо от материального канала передачи информации, что способствует её выживанию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению сказки как механизма хранения и передачи информации морального, практического и т.д. порядка в рамках общей теории памяти культуры. История, которая рассказывается в сказке, выполняющей, помимо эстетической функции и коммуникативную, представляет собой структуру, содержащую слой автономного содержания. Благодаря наличию смыслового инварианта, история, значимая для психики индивида, может быть пересказана множеством раз посредством адаптации для взрослой/детской аудитории, независимо от материального канала передачи информации, что способствует её выживанию.

Ключевые слова и фразы: культурная память; сказка; смысловой инвариант; материальные каналы передачи информации; повествование.

Атлас Анна Залмановна, к. филол. н.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

anna_atlas@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: СКАЗКА КАК МЕХАНИЗМ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ©

В англоязычной литературе конца XX в. появилось большое количество произведений, в которых писатели и поэты заново перечитывают и переписывают сказки и мифы – центральные в культурном отношении тексты [2; 3]. Чтение, как замечает Анжела Картер, чьи рассказы-реинтерпретации известных сказочных сюжетов внесли немалый вклад в расшатывание устоявшегося мнения, что эти традиционные нарративы закрыты для пересмотра, – это такой же творческий акт, как и письмо; развитие мысли в большой степени зависит от новых прочтений старых текстов [15].

Как пространство общей памяти, в пределах которого некоторые тексты могут сохраняться и быть актуализированы, определяет культуру Ю. М. Лотман; при этом их актуализация осуществляется в пределах смыслового инварианта. Наличие некоторых константных текстов и определённая инвариантность их смысла наряду с непрерывностью их трансформации обеспечивают общую для пространства данной культуры память [7]. Культурная память имеет, согласно Лотману, динамическую структуру. Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные как бы погасают. При этом каждая культура определяет свою парадигму того, что следует хранить, а что подлежит забвению, «как бы перестаёт» существовать. Отмечается, что меняется не только состав текстов, но и сами тексты, в которых происходит смещение значимых и незначимых элементов. Тексты не могут быть пассивными хранилищами константной информации – они растут.

Ещё одной важной характеристикой динамической структуры памяти культуры является её внутреннее разнообразие, наличие частных «диалектов памяти». «Наличие культурных субструктур с различным составом и объёмом памяти приводит к разной степени эллиптичности текстов, циркулирующих в культурных субколлективах, и возникновению “локальных семантик”. При переходе за пределы данного субколлектива эллиптические тексты, чтобы быть понятными, восполняются» [Там же, с. 200]. Появление комментариев и глоссариев связано с переходом текста в сферу коллектива с другим объёмом памяти.

Культурная память играет центральную роль в культурной эволюции человечества: она формирует и репродуцирует идентичность родовой группы, нации и т.д. посредством постоянной циркуляции культурных смыслов. Для описания функции культуры как инструмента установления связи Я. Ассман вводит понятие коннективной структуры, главный принцип которой – повторение: для создания культурной когерентности повторение и интерпретация есть функционально эквивалентные процессы [1].

Обеспечение преемственности в смене поколений является задачей культурной мнемотехники, то есть сохранения, реактивации и донесения смысла посредством комплекса знания, объективированного в символических формах (мифы, песни, пословицы и т.д.) и обеспечивающего идентичность. «Культурная память распространяется в формах воспоминания, изначально принадлежащих празднику и обряду. <...> Сама суть обряда предполагает, что он воспроизводит предначертанный порядок в <...> неизменной форме» [Там же, с. 95]. Именно «принудительность повторения» культурного смысла «гарантирует *обрядовую когерентность*, и именно от неё освобождаются общества при переходе к *текстовой когерентности*» [Там же, с. 96].

Обряд не исчерпывается механическим воспроизведением установленного порядка. «Обрядовое повторение – это только форма для смысла, который в ней хранится. <...> Без смыслового измерения <...> мы бы имели дело с ритуализованной рутинной». Однако, «по мере того, как обрядовая когерентность переходит в текстовую, элемент повторения отступает, поскольку для смысла теперь найден другой сосуд» [Там же, с. 97]. Ассман задаётся вопросом, не является ли обряд более надёжным сосудом для смысла, нежели текст. Ведь тексты, «выйдя из обращения, <...> становятся скорее могилой, чем сосудом смысла, и только интерпретатор может с помощью искусства герменевтики и средств комментария вновь оживить смысл» [Там же, с. 98].

Учёные отмечают, что повествование является главной формой, посредством которой вымысел живёт в культуре. «Человеческая способность рассказывать истории есть главный способ, каким людям удаётся

упорядочить и осмыслить окружающий мир» [13, с. 3]. По мнению Дж. Каллера, «мы осмысляем происходящее через повествование...; повествовательные структуры пронизывают собой все наши представления» [5, с. 94]. Более того, замечает Х. Р. Олкер, «искусство изложения, как и соответствующее искусство восприятия рассказа, требует, чтобы мы были в состоянии *извлекать конфигурацию из последовательности*» [8, с. 437].

Наблюдения древнего человека за постоянным кругообращением природных циклов способствовали тому, что «человек научился различать сюжетный аспект реальности» [7, с. 242], то есть искать повторений прежде бывшего, различать сюжеты (например, рождения, инициации, брака, смерти и т.д.), соединять их с определёнными значениями (истолковывать их семантически) и организовывать в цепочки (истолковывать их синтагматически). Так из цикла возникает «отслоившийся от ритуала» (Лотман) повествовательный сюжет, а затем и текст в его линейной перефразировке. Со временем содержательный аспект обрядовых комплексов утрачивается, превращаясь в грамматически формальную основу для построения текста – сказки. «Формализация <...> в сфере языка и культуры <...> выявляет в этой сфере элементы и структуры низших слоёв бытия (скажем, логико-математический порядок в композиции сказки)» [6, с. 631].

Ю. И. Левин имеет в виду жёсткий порядок в композиции сказки, который выявил В. Я. Пропп, описав в своей работе «Морфология сказки» [10] и дав ему обоснование в другой работе, «Исторические корни волшебной сказки» [9], которую смог опубликовать значительно позже. Однако, как чётко формулирует Д. М. Сегал истоки открытий Проппа, ему «удалось вскрыть механизм построения сказки именно потому, что за этим механизмом он видел смысл, олицетворяемый инициационным ритуалом» [12, с. 19].

Многие исследователи размышляют над феноменом поразительной живучести рассказываемой в сказке истории. Выживание сказки, через множественные записи и пересказы, демонстрирует, что история не расстраивает себя, проходя через повторения – напротив, они существенны для её продолжения. Эта мысль подчёркивается многими учеными: «истории совершенствуются с пересказом, они пересказываются бесконечно, и их рассказывают с тем, чтобы они рассказывались и дальше» [19, р. 1]. При этом история, основанная на архаичном фольклоре, не превращается в окаменелый реликт, а постоянно подвергается адаптации, курсируя между устной и письменной традициями, взрослой и детской аудиторией, приспосабливаясь к новым изменениям в социуме и культуре. Ядро из мотивов, образов, героев и конфликтов остаётся неизменным. Однако в изменении формы, тональности и деталей история демонстрирует способность к выживанию. Учёные сравнивают истории с растениями, которые «без труда преодолевают препятствия, включая значительные пространства и промежутки времени, незаметно приживаясь в чуждой среде» [Ibidem, р. 3]. Более того, «сильная история живёт дольше, чем любой из её пересказов» [18, р. 6].

Известно, что история может существовать в различных вариантах. Так, М. Кокс было собрано и проиндексировано 345 вариантов «Золушки», циркулировавших в Европе, на Ближнем Востоке, Индии, Китае и Северной Африке. В большинстве из них главная героиня (*Cinderella*, *Cencienta*, *Aschenputtel*, *Echenfette*, *Fette-Mette*, *Tan Chan* и т.д.) – это бедная молодая девушка; иногда она является старшей дочерью, а не младшей и приёмной, не главной героиней, а главным героем; роль доброй волшебницы играют кот / корова / дерево, а вместо хрустальных башмачков фигурирует золотое кольцо. Все эти варианты одной и той же истории / *from rags to riches* – составили одну из первых антологий конкретного сказочного сюжета [17]. Индекс вариантов данного сюжета не раз был пополнен в дальнейшем, свидетельствуя о том, что сюжет широко распространён в разных частях света и что ядро сюжета, некий инвариант, остаётся неизменным.

Кроме того, одна и та же история может задействовать разные материальные каналы связи, по которым передаётся информация. Например, история о Золушке может быть представлена не только как сказка или рассказ, т.е. вербально, но и как балет, опера, художественный фильм, мультфильм, комикс, пантомима и т.д. [16]. Как отмечает К. Бремон, каждое повествование содержит слой автономного значения, наделённого структурой, которая может быть выделена из совокупного смысла сообщения. Она может быть транспонирована из одного канала передачи информации в другой без потери её определяющих свойств [14]. Транспозиция истории является главным аргументом в пользу утверждения, что нарративы представляют собой структуры, не зависящие от канала передачи.

Феномен удивительной живучести сказки заставлял учёных в разные времена задаваться вопросом: Каковы её причины? Почему сказка продолжает существовать, в то время как другие истории исчезают из памяти? Рассказывание сказок мотивирует то, что, как и любая вторичная знаковая система, сказка может нести, кроме своей собственно эстетической функции, и коммуникативную функцию [11]. Сказки, как признают многие исследователи, служат целям хранения и передачи социально значимой информации. Ориентация на практические интересы в качестве основной цели повествователя отмечается большинством исследователей. В опыте, передаваемом из уст в уста, В. Беньямин видел источник, из которого черпает рассказчик: смысл каждого настоящего повествования в том, что «тайно или откровенно оно направлено на нечто полезное. Это может быть польза морального порядка, практические указания или <...> какая-то жизненная мудрость» [4, с. 348]. Все человеческие общества используют повествование в качестве предпочтительной формы выражения системы моральных ценностей. Сказочные повествования прошли испытание временем и сохраняются, потому что сказка значима для психики многих и многих индивидов.

Список литературы

1. **Ассман Я.** Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки слав. культуры, 2004. 368 с.
2. **Атлас А. З.** Сказка как объект авторской рефлексии // *Studia Linguistica*. СПб., 2006. № XV. С. 80-84.

3. **Атлас А. З.** Сказка как объект реинтерпретации // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сб. трудов. СПб., 2015. С. 93-96.
4. **Беньямин В.** Озарения / пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. 376 с.
5. **Каллер Дж.** Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Астрель, АСТ, 2006. 158 с.
6. **Левин Ю. И.** Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 822 с.
7. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 480 с.
8. **Олкер Х. Р.** Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. статей / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 408-440.
9. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 364 с.
10. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. Л.: Наука, 1969. 168 с.
11. **Ревзин И. И.** К общесемиотическому истолкованию трёх постулатов Проппа: анализ сказки и теория связности текста // Типологические исследования по фольклору: сборник статей. М.: Наука, 1975. С. 77-91.
12. **Сегал Д. М.** О связи семантики текста с его формальной структурой // Poetics: poetyka, poetika. Warsaw, 1966. Vol. 2. P. 15-44.
13. **Трубина Е. Г.** Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 103 с.
14. **Bremond С.** Le message narrative // Communications. 1964. № 4. P. 4-32.
15. **Carter A.** The Language of Sisterhood // The State of the Language / ed. by L. Michaels and C. Ricks. Berkeley – Los Angeles, 1980. P. 226-234.
16. **Chatman S.** What Novels Can Do that Films Can't (and Vice Versa) // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 121-140.
17. **Cox M. R.** Cinderella: Three Hundred and Forty-Five Variants of Cinderella, Catskin, and Cap o'Rushes. London: The Folk-lore society, 1893. 632 p.
18. **Hearne В.** Beauty and the Beast: Visions and Revisions of an Old Tale. Chicago – London: The Univ. of Chicago Press, 1989. 247 p.
19. **Kroeber K.** Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times. New Brunswick – New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1992. 255 p.

CULTURAL MEMORY: FAIRY TALE AS A MECHANISM TO STORE AND TRANSFER INFORMATION

Atlas Anna Zalmanovna, Ph. D. in Philology
 Herzen State Pedagogical University of Russia
anna_atlas@mail.ru

The article examines a fairy tale as a mechanism to store and transfer information of ethical, practical, etc. nature within the framework of the general theory of culture memory. The story being told in a fairy tale performing the communicative function alongside with the esthetic presents itself a structure containing a layer of autonomous content. Thanks to the semantic invariant the story valuable for the individual psychics can be retold many times by adaption for the adult/children's audience regardless of the material channel of information transfer which promotes its survival.

Key words and phrases: cultural memory; fairy tale; semantic invariant; material channels of information transfer; narration.

УДК 8

Филологические науки

В статье рассматривается проблема сложности и многогранности понятия «дискурс». В этой связи рассматриваются некоторые типичные для современной лингвистики дефиниции данного понятия. Автор анализирует определения дискурса, при этом считает наиболее удачными те, в которых отношения понятий «текст» и «ситуация» являются гипонимическими по отношению к общему гиперониму «дискурс».

Ключевые слова и фразы: дискурс; определение; дефиниция; коммуникативное явление; коммуникативная ситуация; речь; текст.

Атрощенко Инна Геннадьевна

Дальневосточный федеральный университет
trouillefou@mail.ru

АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ©

Дискурс – это сложное понятие, изучению которого на протяжении второй половины XX в. посвятили себя многие ученые, работавшие в сферах философии, социологии, психологии, лингвистики и т.д. Бурное развитие научных областей, так или иначе связанных с вопросами дискурса, привело к значительному расхождению мнений внутри научного сообщества.

На данный момент не существует унифицированного определения дискурса, так же, как и нет единого подхода к его изучению. Так о сложившейся ситуации пишут Л. Дж. Филипс и М. В. Йоргенсен в работе